

УДК 94(470.56)

С. В. Любичанковский**Конец советской эпохи глазами очевидца (на материалах личного дневника Л. Н. Большакова)**

В статье показано значение дневниковых записей почетного гражданина города Оренбурга, ученого и общественного деятеля Л. Н. Большакова как уникального исторического источника об эпохе «перестройки» и краха Советского Союза. Сделан вывод о том, что данный источник позволяет внести существенную лепту в документирование заключительных страниц советской истории и реконструировать эмоциональное восприятие событий 1980—1990-х гг. советской интеллигенцией в провинции.

Ключевые слова: дневники, Леонид Наумович Большаков, повседневная жизнь, интеллигенция, исторический источник, «перестройка», распад СССР.

Долгое время в нашей научной литературе господствуют «народные массы», «классы», «социальные группы», «государство» и прочие «статистические величины». Бесспорно, эти термины, выполняющие функции исторических моделей, чрезвычайно важны для понимания исторического процесса и позволяют глубоко проникнуть в его суть. Однако обратной стороной их использования является недостаточное внимание к отдельному человеку, его радостям, горестям, переживаниям, стремлениям, заблуждениям, духовному миру и быту. Исследователи зачастую абстрагируются от изучения этих вопросов, что в конечном итоге не может не отразиться негативно на попытках создания общей картины исторического процесса, творцом которого является именно Человек. Сделать картину более объемной позволяют вводимые в научный оборот документы личного происхождения — воспоминания, дневники, письма. По прошествии времени разрозненные факты, события, детали, отражающие восприятие очевидцев, складываются в целостное полотно, давая возможность будущим поколениям более точно и полно понять как людей ушедшей эпохи, так и исторический период в целом. О дневниках и их значимости размышляет целый ряд современных исследователей [1; 8]. Однако возросший интерес к такого рода документам наталкивается на объективные препятствия: во второй половине XX века традиция ведения дневников утрачивается. Для историка такое положение дел означает постепенную утрату определенной (очень ценной по своим существенным характеристикам [4; 5]) группы источников.

Именно поэтому дневники, относящиеся ко второй половине прошлого столетия, являются настоящим эксклюзивом и привлекают к себе повышенное внимание историков, а их обнаружение является настоящей исследовательской удачей. Нам уже приходилось писать, что именно к таким документам относятся и дневники почетного гражданина города Оренбурга, ученого и общественного деятеля Леонида Наумовича Большакова¹.

¹ Большаков Леонид Наумович (1.01.1924, Сновск, ныне Щорс, Черниговской обл. — 9.08.2004, Оренбург) — ученый, историк, писатель, литературовед. Кандидат филологических наук (1969), профессор (1980), академик Международной академии гуманизации образования (1995) и член-корреспондент Российской академии естественных наук (1997). Заслуженный работник культуры Украины (1992), заслуженный деятель науки РФ (1994). Лауреат премии Совета Министров Украины им. П. Тычины (1982) и Государственной премии Украины им. Т. Шевченко (1994). Почетный гражданин Оренбурга (1993). С 1941 г. жил и работал в Оренбуржье. В течение 30 лет занимался журналистикой, выпустил более двадцати книг о современниках; в 1962—1968 гг. возглавлял областную студию телевидения. Автор книг о Л. Н. Толстом, Г. С. Винском, декабристах, В. Терьяне, А. Фадееве; более 20 произведений посвящены Тарасу Шевченко. Основатель Шевченковских музеев в Орске и Оренбурге (1986, 1989), Оренбургского института Тараса Шевченко (1993), праздника «Шевченковский март» (1977). Автор трех региональных литературных энциклопедий.

В настоящее время дневник Л. Н. Большакова находится в семейном архиве, доступ к нему возможен по согласованию с дочерью его создателя, Татьяной Леонидовной Большаковой. В одной из наших прошлых статей этот удивительный источник был проанализирован нами с источниковедческой точки зрения [6].

Целью настоящей публикации является конкретно-исторический анализ той части данного документа, в которой отражен процесс распада Советского Союза. Период «перестройки», события августа 1991 года не утратили своей значимости для историков, им посвящена обширная научная литература [2; 3; 7]. При этом, на наш взгляд, в историографии этой темы существует определенный перекося исследовательского внимания к внешним проявлениям этого глобального исторического переходного периода. Сегодня, в год столетия Великой российской революции и краха Российской империи, историческая наука как никогда нуждается в понимании того, как глобальные и трагические для всей страны процессы осознавались простыми людьми. Материалы конца XX века дают для этого прекрасные возможности. И тем ценнее источник, положенный в основу предлагаемой читателю статьи, — дневники человека, чья жизненная позиция выражалась в преданности Советской Родине, коммунистическим идеалам и желании приносить пользу обществу на своем посту, а после распада СССР сопровождалась мучительным переосмыслением уходящей на глазах эпохи без отказа от идеалов патриотизма и уважения к собственной истории и культуре.

Автор дневника был, как говорится, «глубоко советским человеком», всегда жил интересами страны, размышлял (и часто откликался в печати и на радио) обо всем происходящем, переживал, оценивал, поэтому страницы его дневника воссоздают своеобразную историческую панораму и действительно дают возможность ощутить эпоху перемен, которая в учебниках отечественной истории получила название «перестройки». Дневниковые записи свидетельствуют, что стремление партийного руководства изменить, улучшить обстановку в стране вызывает у автора дневника сочувствие: уже в ежедневнике 1984 года немало критических записей о неумной и даже вредной пропаганде, о необходимости говорить людям правду, о все большей заорганизованности, засилье чиновников, «казенщине, коей зачастую подменяется живое дело», и т.д.

Будучи убежденным интернационалистом, Л. Н. Большаков особенно остро переживал разгорающиеся межнациональные конфликты. В 1989 году, оказавшись в Абхазии (в доме творчества писателей в Пицунде), он стал свидетелем одного из них (сразу отметим, что далее все сокращения и подчеркивания в цитатах принадлежат Л. Н. Большакову. — С. Л.):

«“Театр военных действий” приблизился к нам. Вчера и нынешней ночью в Сухуми стреляли, есть убитые с грузинской и абхазской сторон (называют 4), а равно раненые (примерно 100). По радио передали, чтобы на территории Абхазии ограничили передвижения и, попросту говоря, без надобности не ездили, в том числе и по туристическим маршрутам... Рейсовые автобусы не ходят... В Пицунде многолюдный абхазский митинг. Не пришли поезда из Тбилиси. А я пишу о Шевченко: вот это и есть мой интернационализм» [9, 16 июля 1989 г.]¹.

«Работаю, а в небе военный вертолет и на горизонте военный корабль (крейсирует вдоль берега). Море голубое-голубое, солнце яркое, туч нет, но это... Сухумскую типографию, по слухам, подожгли или взорвали, или еще как-то из строя вывели... Но — работаю...» [19 июля 1989 г.].

клопедий: «Оренбургской Шевченковской», «Оренбургской Пушкинской», «Оренбургской Толстовской» (все — 1997). Инициатор и автор-составитель «Оренбургской биографической энциклопедии» (2000).

¹ Далее цитаты из дневника приводятся по источнику [9] с указанием только даты записи.

«Некролог по СССР уже пишется», — записал Л. Н. Большаков 27 января 1990 г., и на страницах дневников-ежедневников 1990—1991 гг. записей о будущей книге (третий том «Были о Тарасе»), над которой он работал в тот момент, и о собственной жизни порою меньше, чем информации о событиях внешних по отношению к его семейным делам. Даже то, что в начале дневниковых страниц автор, в отличие от прежних лет, записывал не «отчет» о делах литературных, а информацию общеполитическую, показывает, что именно она выходит для него на первый план и что воспринимает он происходящее не просто с тревогой, но как личную трагедию.

Своеобразным приговором эпохе, от которой так много ждали и которая заканчивалась столь бесславно, стала горькая запись от 31 марта 1991 года:

«Обвинять в сегодняшнем бардаке Ленина — все равно, что винить во всех бедах человеческих Бога. Решают не идееносцы, но практики. Практическое — это и создание системы, проведение линии, осуществление задач каждого дня. У нас нет ни системы, ни линии, ни разумных решений насущного, текущего. Так что, виноват Ленин, умерший шесть десятков лет назад? За время «перестройки» можно было построить многое и главное заново. Если бы не игрались в перестройку, не болтали, а действовали».

Одновременно с трезвой оценкой допущенных партией ошибок в записях чувствуется боль за судьбу организации, в которой он состоял почти полвека:

«Некоторое время назад, отвечая на вопрос, не вышел ли я из КПСС, я отвечал, что не вышел и не собираюсь выйти, но партия выходит из меня. Сегодня о разрыве с партией многих и многих людей можно услышать на каждом шагу. Авторитет партии упал несказанно, она стала оплеванной и оплевываемой, в чем виновата сама, делая ошибку за ошибкой. Тут под “партией” подразумевается, конечно, не масса, но верхушка от Горбачева и ниже... Уважения к партийным органам у меня нет никакого... Так отчего не выхожу? Партия — это идеалы моей юности, это радости и заблуждения моей жизни, многие и многие партийцы, встреченные на жизненном пути. Партия — это миллионы погибших с мыслью о ней. И я не могу быть среди ее могильщиков и не буду в их числе. Моя партия — это не ЦК, обком, РК, парторганизация — это я сам, моя совесть, моя порядочность, моя работа. Никаких заданий-“поручений”. Что считаю нужным, то и делаю. Делаю доброе, полезное... тружусь наперекор всему, не мошенничаю, не шельмую — и сколько сил хватит, буду таким. За партию глубоко обидно, оскорбительно, но я себе не изменю» [30 июня 1991 г.].

«Самые большие антикоммунисты — вчерашние правоверные, идейные коммунисты. Некогда поклявшиеся в любви и преданности на всю жизнь, они, расплевавшись с партией в час ее гибели, когда членство стало “не модным”, требуют для ликвидации партии (и ее членов?) чуть ли не чрезвычайных — читай — палаческих мер» [19 июля 1991 г.].

«...Что касается партии... Она себя изжила, и в эту игру даже мне играть осточертело. Не выхожу в память о прошлом, о тех, кто жил и умер с верой, и неприличности, по моему разумению, такого поступка... Партия из меня вышла. Я сам себе ЦК, сам себе — Маркс и Ленин, сам идеи творю и сам же их реализую. Внутренняя политическая эмиграция? Индивидуальное партийное подполье? Только так можно сохранить себя, свой имидж, свое человеческое и профессиональное достоинство... Вспоминаются слова Л. Н. Толстого: “Говорят, стыдно менять свои убеждения. А я говорю: стыдно их не менять”» [17 августа 1991 г.].

«Коммунизм как цель, как теория, как учение меня интересовал (и интересует, тем паче сейчас) — мягко говоря — мало. Неосязаемые, бесплотные, неконкретные цели не воспринимаю. Я реалист, рационалист, но... не способен переть вопреки своему челове-

ческому достоинству», — эти строки стали началом ежедневной записи, а далее на нескольких страницах идет подробный репортаж о начавшемся в этот день событии [19—21 августа 1991 г.]. Дневник зафиксировал происходящее таким, каким оно выглядело для многих — большинства! — граждан СССР, которые даже не подозревали, что вот-вот будет поставлена точка в советской истории. Эти странички автор дневника озаглавил «Репортаж из самого себя». Они посвящены ГКЧП.

«19 августа: Нельзя отойти от радио: ...классическая музыка... — музыка... “будет передан указ вице-президента”... и сам указ: в связи с невозможностью исполнения обязанностей президента СССР Горбачевым, вступил в исполнение... — музыка — заявление о чрезвычайном положении и комитете типа ГКО (!) — обращение к советскому народу: над нашей Родиной нависла “смертельная опасность”, “страна стала неуправляемой”, “спасение в наших собственных руках”, “сделать единственно правильный вывод” и — обещание, одно за другим: ...все вернуть “на круги своя”.

Слушаешь сочувственно. Так и быть должно, но... способен ли сегодняшний государственный переворот достигнуть доброй, народу желанной, цели?.. Не могу оторваться от радио — жду и жду новых сообщений сквозь бесконечную, сейчас только раздражающую музыку. Обращение к главам правительств и в ООН... В мире, разумеется, сейчас буря, смерчи... (Веду репортаж “из самого себя”, но и во мне смятение — так должно было быть, пора было кончать с болтовней, разложением, стремительным падением всего и вся, тем не менее все так неожиданно, так внезапно... Но бывают ли перевороты, объявленные загодя?!)

О Горбачеве ни слова — только — “по состоянию здоровья”. Тут явная — и ненужная — ложь, а с нее начинать всегда негоже. Чрезвычайное положение введено “на отдельных территориях СССР сроком на шесть месяцев”, “ГКО” — высший орган всей страны и срок действия его не ограничен, кажется... На каких территориях? Что предпринимается? Главенство Конституции и Законов СССР — это естественное, как дыхание, но думается о позициях ВС республик, их “суверенитетах”, их “президентах” и т.д. и т.п. Вчера еще ни эти “9”, ни “15” [готовился Союзный договор, который должны были подписать руководители союзных республик. — С. Л.] ничего не подозревали, планировали, сговаривались, подписывали, а сегодня... Как чувствует себя Ельцин?

Никаких упоминаний о КПСС. В составе ГКЧП функционеров ее нет (хотя есть Стародубцев — председатель Крестьянской партии; но главенствует там не он, разумеется, — Крючков, Бакланов, Язов, Пуго, Павлов... Кто еще? Пока не повторяют)...

Снова прослушал все сообщения, начиная от полутуманного лужьяновского. Во главе ГКЧП — Янаев, Павлов, Бакланов. Первые два в глазах народа особым уважением и авторитетом не пользуются; Бакланов ничем себя не скомпрометировал и потому личность “загадочная” — посмотрел: его нет даже в последнем энциклопедическом словаре, в перечне членов ЦК, избранных на XXVIII съезде. Не он ли у пульта?.. И кто же за всем этим в нашем, обычно трусливом, высшем эшелоне?

Неведение, почти полное неведение. Ясно только одно: свершен переворот. Чем он обернется?

...Постановление № 1 ГКЧП. Множество серьезных мер по завинчиванию гаек. Но бумажных мер у нас всегда хватало. Ясно одно: на демократию не уповают — она похерена как враг № 1, со всей самодеятельностью “выборных органов”, с митингами и забастовками, с неподконтрольностью печати и пр., и пр. ...Опять музыка — так бывало в дни траура.

...На час-полтора выбрался в свет. Не заметил, что происшедшее на устах у всех. Люди во всем изверились и — не ждут от переворота (как его еще назвать?) ничего.

... Чрезв. положение введено в Москве: пытались не подчиниться. Из ежедневных газет разрешен только выпуск “Правды”, “Известий”, “Труда”, “Рабочей трибуны”, “Моск. правды”. Нет “Комс. правды”. Внеочередная сессия ВС СССР — 26-го; ВС РСФСР соберется, если не ослышался, послезавтра... ТВ — только 1-я программа...

... “Где Горбачев?” — “На отдыхе и лечении в Крыму. Надеемся, что вернется к исполнению обязанностей президента” (С пресс-конференции Янаева и др.). Ответы достаточно четкие и определенные. В радионовостях — ЧП в Ленинграде. Ельцин призвал россиян к бессрочной политической забастовке и сопротивлению (поп Гапон?). Ну и хватит. Пять страниц вместо одной. Такой день.

20 августа: Вчерашняя запись впятеро больше, чем любая другая. Но это ведь первый государственный переворот за время ведения дневников (хотя и не первая смена руководства). Конечно, то, что записано вчера, это действительно репортаж из самого себя. В сочетании с тем, что передает радио. Телевидение включилось архипоздно, постыдно поздно — после одиннадцати вечера. Однако танки и баррикады в Москве, а равно оглашение Ельциным своего Указа непосредственно перед народом, т.к. радио и ТВ он лишен, впечатляют глубоко. Противостояние будет острейшим. На стороне законно избранного Ельцина миллионы и миллионы, а входящие в ГКЧП популярности не имеют.

Сегодня в девять — время повторения пресс-конференции — врубился Рыков¹ и передал микрофон Зелепухину², огласившему вчерашний Указ Ельцина: “ГКЧП незаконен, выполнение его распоряжений на территории РСФСР повлечет уголовную ответственность”. Воркута объявила забастовку, Кузбасс заявил о непризнании Янаева и иже с ним. Всплеск угаснувших было симпатий к Горбачеву (за него и впрямь обидно — умный, смелый правитель в стране заскорузлой, дикой, к переменам не готовой). Ему бы в напарники — на равных — Ельцина. Сегодня Ельцин за права Горбачева и против “группы лиц”, взявших власть “незаконно”. Кавычки, может, и не нужны... (А радио и ТВ вместо деловой информации дают всякую м...ку — нет сил ее слушать!)

Многие стали слушать «голоса». В них, говорят, громко звучит тема Горбачева. Его дача в Крыму отрезана от мира, отключена телефонная связь, к нему не могут проникнуть. Все приметы заговора. (А бывают заговоры честными?) Сочувствие к устроителям переворота, возникшее поначалу как реакция на необходимость перемен, уступает место иным чувствам.

Оренбург в основной своей массе не за «путчистов» (это определение звучит все чаще), а за Ельцина. Ельцин же занял не то круговую оборону, не то линию в наступлении. Среди его требований — двадцать четыре часа на устройство ему встречи с М. С. и немедленное освидетельствование Горбачева международной медицинской комиссией на предмет определения, может ли он исполнять обязанности Президента СССР сейчас, немедленно. Ельцин не намеревается подчиняться постановлениям ГКЧП как органа, не признаваемого ни им, ни его соратниками, ни огромной массой российского населения. Конфронтация “не на жизнь, а на смерть”. Как бы не было смертей не фигуральных, но человеческих. Что это, как не гражданская война? Не обязательно быть ей такой же, как после Октября... “Оттенков” гражданской войны хватает уже сейчас — печальных и гнусных “оттенков”, оборачивающихся страданиями сотен тысяч: погибших и их близких, беженцев, лишившихся всего, как мы в сорок первом.

¹ Рыков Павел Георгиевич в тот период возглавлял Оренбургское отделение государственного телевидения.

² Зелепухин Александр Григорьевич с 1990 г. работал начальником главного планово-экономического управления Оренбургской области. Тогда же был избран народным депутатом РСФСР.

В один день СССР лишился и доверия в мире. Всего, что с таким скрипом налаживалось. Думали ли об этом той ночью с 18-го на 19-е? Ельцин отправил своего министра иностранных дел к Бушу с заездом к Миттерану. Устранение Горбачева — дело международного, мирового резонанса, причем в основном негативного. Пока многое неясно. И непредсказуемо!

...Стал крутить свой «ВЭФ». В нем село питание, но сквозь шум и треск узнаю много (несравненно!) больше, чем за сутки нашего бездарного всесоюзного радио, которое прощается повторением одного и того же, да еще “музычкой”. Музыка вместо существенного предельно раздражает. Уже теперь мне ясно, что ничего позитивного переворот не несет и нести не может. Досадно, что при первом известии (вчера...) я было впустил в себя некие “положительные эмоции”. Не всякое новое несет добрый заряд...

21 августа: Вот когда пригодилась “Рига-110”. Короткие волны полны новостей, и все они — о происшедшем перевороте — попытке (надеюсь, только попытке) захвата власти. А правительственное радио крутит музыку, песни и всякое прочее — кроме действительных новостей, которые возникают каждую минуту. Голос Америки, Би-би-си и другие “голоса” оказываются более заинтересованными в наших делах. <...>

Истинным лидером сейчас выступает — и для большинства народа, для мировой общественности — Борис Ельцин. Не случайно главные силы “путчистов” сейчас брошены против российского “Белого дома” — там идут самые настоящие бои, с танками и жертвами. Да, М. С. имеет возможность узнать, кто ему союзник, а кто враг. Врагами стали те, кого он тянул за уши и вытянул в “паны”. Сколько бед уже принесли эти “чрезвычайники”... Как-то очень тревожно. Еще и потому, что отчетливо представляю: переворот во многом партийный, — правый, консервативный и партийный. Последний удар по партии?..

...В шесть часов вечера — неожиданно! — начался показ в полной мере, полной записи, всего хода сессии ВС РСФСР... Началась полоса самовосхвалений, самодовольства, эйфории... Но от путча, который явно захлебнулся, будет тяжелейший и вонючий след. Ликовать не приходится. Бездарный путч бездарных людей провалился — бездарная жизнь продолжается» [21 августа 1991 г.].

Таким образом, мы имеем в руках уникальный источниковый материал, в котором возникающие у провинциального советского интеллигента эмоции в отношении стремительного развивавшихся событий августа 1991 г. были сразу же (а не спустя какое-то время, что очень важно для историка!) зафиксированы на бумаге.

Прошло еще несколько месяцев, прежде чем была поставлена последняя точка в истории Советского Союза и со Спасской башни спущен Красный флаг, но три августовских дня сыграли роль спускового крючка, ускорив крах СССР. Как линии информационного противостояния тех лет повлияли на простых свидетелей событий, как буквально в течение двух дней могло кардинально измениться мнение о ГКЧП у простого советского человека — вот какие важные нюансы доказательно представлены в анализируемом источнике.

Дневник дает возможность почувствовать и тревожную атмосферу тех месяцев, и то, какой болью отзывается в авторе дневника постоянно нагнетаемая антикоммунистическая истерия. В записях много фраз с вопросительными знаками: пишущий размышляет, спрашивает самого себя.

«Правый переворот сорвали, но свершился левый, и он ускоряет распад СССР, а уж уничтожение КПСС и подавно...» [23 августа 1991 г.].

«...Демократию топят в антикоммунистической истерии... “Их кровь на руках КПСС” (плакат в толпе). Какая это подлость в отношении миллионов членов КПСС, а точнее ВКП(б), рекой ливших свою кровь на фронтах...» [24 августа 1991 г.].

«Все эти проклятия Компартии и коммунистам, практическое объявление ее, партии, вне закона, захваты партийных домов и т.д. и т.п. — дикость и подлость, чуждое самому представлению о демократии...» [27 августа 1991 г.].

«Разгул демократии, как показывает опыт нашей демократии, ведет к агонии и смерти этой самой демократии. Едва хлебнули — и захлебнулись. Путч продолжался три дня, послепутчие, похоже, будет и длиннее (намного длиннее), и опасным до крайней степени. Преследование Компартии, третирование ее работников и членов, обвинения, без реальных, действительно серьезных, оснований, подозрительность и — вандализм, попрание критериев цивилизованного общества, закрытие газет — внезапный и крутой откат назад, к рубежам далеким и казавшимся пройденными. Путч — этот бездарнейший путч — оказался выгодным той же шпане, но обрядившейся в тоги демократов. Снова культ личности, снова “Германия (то бишь Россия) превыше всего” и — шквал негодования из республик, развал державы, развал всех ценностей, всего общества и составляющих его личностей. И это все на фоне углубляющейся разрухи! Петь дифирамбы Ельцину опрометчиво. Для СССР, для России он станет — если уже не стал — по-настоящему “злым гением”. Извиняться перед ним в своих сомнениях мне уже не хочется... Увы, эти сомнения подтверждаются... Хоть немного излил душу, но — легче не стало. На сердце камень...» [30 августа 1991 г.].

«Каждую минуту эфир поливает дерьмом КПСС и коммунистов, а в то, что после коммунистов становится все хуже и хуже... объяснений этому не находится. Департизация? Полнейшая деморализация!! И все углубляющаяся нищета богатой (?) державы» [17 октября 1991 г.].

«Сегодня — ни на день раньше или позже — Ельцин объявил своим указом уже не приостановление деятельности, но полный запрет КПСС. Очередной акт вандализма, не имеющий общего с демократией, с принципами правового государства и элементарными нормами морали. Какое право, какая демократия — сплошное беззаконие... и все явственнее пахнет нацизмом...» [7 ноября 1991 г.].

«До чего, до какой крайности доведена Россия! И падение ее продолжается, нескончаемо продолжается! Виноваты коммунисты? Ленин? Маркс с Энгельсом? Бред! Вина на Горбачеве и его команде. Вина на Ельцине, который заигрался и, теша свою амбицию, все разрушил, разрушая больше и дальше, не создавая ничего. Горбачев — жертва добрых намерений, непросчитанных шагов к лучшей жизни. Ельцин — палач и СССР, и собственного народа. Политиканство вместо дела...» [17 ноября 1991 г.].

«Белоруссия, Украина и Россия вынесли и привели в исполнение смертный приговор СССР. “Столицей” этого неизвестно чего объявлен Минск. Как более умеренный и спокойный?» [9 декабря 1991 г.].

«“Бывший Союз... бывший СССР...” — для меня это звучит как кощунство. Все равно, как “бывший Большеков”, “бесславно сгинувший Большеков” или такое же сугубо личное. Живу обманутый, оплеванный, обосранный и... бессильный. Бессилие всего тяжелее!» [18 декабря 1991 г.].

В двух последних записях этого года подведен общий итог:

«В этом году в стране произошла полная контрреволюция. Ликвидирован Советский Союз, попораны — и отстранены от всякой власти — Советы, разгромлена и поставлена вне закона КПСС, разрушены экономика, финансы, право, люди по уровню жизни отброшены за черту бедности, в нищету и безнадежность. Воцарилась власть, не способная ни на что доброе, власть, которой глубоко наплевать на жизнь народа, на демократию, на будущее державы...» [29 декабря 1991 г.].

«Серые хмурые лица. Удивляют любые проявления веселости. В воздухе и на губах мат. Иным образом, иными словесами и не определишь, не оценишь то, что мы видим и чувствуем сегодня. Повсюду в мире веселятся, радуются, уверены в завтрашнем — мы же, как изгои, как выродки. Худо встречаем девяносто второй, ох, как худо! Главное — в безверии. Не религиозном — человеческом, житейском, духовно-идейном. Не верим в мудрость и просто в элементарный разум властей, не верим в собственную способность бороться. Не дай бог вспыхнет внутренняя война, и она будет без цели, без ума — на сплошной бандитской ноте. А если и возникнут (будут брошены) лозунги, то дикие... Гнетущие мысли и чувства» [31 декабря 1991 г.].

Подводя итоги, хочется оттолкнуться от еще одной дневниковой записи автора. 29 августа 1989 года, размышляя над показанным по телевидению фильмом «Дети XX съезда», Л. Н. Большаков записал: «Неужто не снимали ночное заседание XX съезда с докладом Хрущева? Даже по служебным каналам? Документирование времени у нас отвратительное». Приведенные в данной статье записи, на наш взгляд, вносят существенную лепту в документирование заключительных страниц советской истории. Они показывают важнейший срез этой переходной эпохи — ее восприятие советской интеллигенцией в провинции. Содержание анализируемых записей позволяет уточнить на конкретном примере реальное влияние смены эпох (1980-е — 1990-е гг.), а именно в этот период они и создавались, на наши представления о поздней стагнации СССР. Дневник Л. Н. Большакова — документальное подтверждение тому, что за период 1985—1991 гг. изменилась не только жизнь в стране, изменилось и мироощущение простого советского интеллигента. Если записи 1984—1986 гг. свидетельствуют, что «перестроечные» идеи Л. Н. Большаков считал вполне назревшими и необходимыми, то в 1987—1989 гг. многое в партийной риторике его настораживало, раздражало, вызывало отклик критический. А страницы дневников-ежедневников 1990—1991 гг. и вовсе напоминают историческую хронику.

Дневники Л. Н. Большакова представляют огромный интерес для реконструкции духовного мира обычного интеллигента поздней советской эпохи, поскольку в указанный период ведение личных дневниковых записей перестает быть чем-то обычным и общепринятым и сам тип данного исторического источника становится весьма редким, практически уникальным. Рассматриваемые дневники выступают как практически единственный полноценный источник такого рода применительно и к региональной, и даже к общероссийской истории, что многократно увеличивает их историческую ценность. Помимо этого привлеченный источник дает возможность почувствовать мироощущение «классического» советского интеллигента 2-й половины XX века, эволюцию, подчас достаточно резкую, менталитета советского гражданина 1980—1990-х гг. А это позволяет реализовать на конкретно-историческом материале применительно к нашей недавней истории тот самый давно назревший в исторической науке методологический поворот от истории государств и больших социальных групп к истории отдельного Человека, к истории повседневной жизни, истории ментальности, без которого адекватное понимание причин и последствий краха СССР просто невозможно.

Список использованных источников и литературы

1. Быков Л. П. Технология жизни // Вестник Уральского отделения РАН. 2013. № 1. С. 189—191.
2. Заельская С. А., Иванова А. Г. Специфика и проблемы культурной деятельности театральных коллективов в условиях общественного застоя и зарождения художественного многообразия в период перестройки (1964—1991 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11, № 6-2. С. 323—330.

3. Иванова А. Г. Первоначальное оформление партийной системы в рамках становления институтов власти в 90-е годы XX века (на примере Южного Урала) [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2013. № 2 (6). С. 75—83. URL: http://vestospu.ru/archive/2013/articles/ivanova_2013_2.pdf.
4. Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / А. В. Сиренов, Е. Д. Твердюкова, А. И. Филюшкин, С. С. Смирнова, М. В. Корогодина ; под ред. А. В. Сиренова. М. : Юрайт, 2015. 396 с.
5. Кодан С. В. Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений // ВВ: Исторические исследования. 2014. № 3. С. 60—93.
6. Любичанковский С. В. Дневники Л. Н. Большакова как исторический источник [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 4 (20). С. 142—152. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/14_20_2016.pdf.
7. Магомедов Р. Р., Фокина С. Н. Антиалкогольная кампания М. С. Горбачева: ее положительные и негативные последствия для страны // Российская история в начале XXI века: Опыт, проблемы, перспективы : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014. С. 206—208.
8. Петровская И. Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801—1917 годов. СПб. : Петрополис, 2009. 384 с.
9. Семейный архив Т. Л. Большаковой. Дневник Л. Н. Большакова.

Поступила в редакцию 25.03.2017

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: svlubich@yandex.ru

UDC 94(470.56)

S. V. Lyubichankovskiy

The end of the Soviet era by eyes of the eyewitness (on materials of the personal diary of L. N. Bolshakov)

The article shows the value of diary entries of the honorable citizen of Orenburg, scientist and public figure L. N. Bolshakov as a unique historical source about the period of “perestroika” and collapse of the Soviet Union. The conclusion is drawn that this source allows to contribute to recording the final pages of the Soviet history and to reconstructing the emotional perception of events of the 1980—1990s by the Soviet intellectuals in the province.

Key words: diaries, Leonid Bolshakov, everyday life, intellectuals, historical source, “perestroika”, the USSR collapse.

Lyubichankovskiy Sergey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: svlubich@yandex.ru

References

1. Bykov L. P. Tekhnologiya zhizni [Technology of life]. *Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN*, 2013, no. 1, pp. 189—191. (In Russian)
2. Zael'skaya S. A., Ivanova A. G. Spetsifika i problemy kul'turnoi deyatelnosti teatral'nykh kollektivov v usloviyakh obshchestvennogo zastoya i zarozhdeniya khudozhestvennogo mnogoobraziya v period perestroiki (1964—1991 gg.) [Specificity and problems of cultural activity of theatrical collectives in conditions of social stagnation and the emergence of artistic diversity during the period of perestroika (1964—1991)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2009, vol. 11, no. 6-2, pp. 323—330. (In Russian)

3. Ivanova A. G. Pervonachal'noe oformlenie partiinoi sistemy v ramkakh stanovleniya institutov vlasti v 90-e gody XX veka (na primere Yuzhnogo Urala) [The original form of the party system in the making of government institutions in the 90-s of the XX century (by the example of Southern Urals)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2013, no. 2 (6), pp. 75—83. Available at: http://vestospu.ru/archive/2013/articles/ivanova_2013_2.pdf. (In Russian)
4. Sirenov A. V., Tverdjukova E. D., Filjushkin A. I., Smirnova S. S., Korogodina M. V. *Istochnikovovedenie* [Source study]. Moscow, Yurait Publ., 2015. 396 p. (In Russian)
5. Kodan S. V. Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya: ponyatie, mesto i rol' v izuchenii istorii gosudarstvenno-pravovykh yavlenii [Sources of personal origin: concept, place and role in the study of the history of state and legal phenomena]. *NB: Istoricheskie issledovaniya*, 2014, no. 3, pp. 60—93. (In Russian)
6. Lyubichankovskii S. V. Dnevnik L. N. Bol'shakova kak istoricheskii istochnik [L. N. Bolshakov's Diaries as historical source]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2016, no. 4 (20), pp. 142—152. Available at: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/14_20_2016.pdf. (In Russian)
7. Magomedov R. R., Fokina S. N. Antialkogol'naya kampaniya M. S. Gorbacheva: ee polozhitel'nye i negativnye posledstviya dlya strany [M. S. Gorbachev's anti-alcohol campaign: its positive and negative consequences for the country]. *Rossiiskaya istoriya v nachale XXI veka: Opyt, problemy, perspektivy: sb. statei mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Russian history at the beginning of the 21st century: Experience, problems, perspectives: collection of articles of the internat. scientific-practical conf.]. Orenburg, OGPU Publ., 2014, pp. 206—208. (In Russian)
8. Petrovskaya I. F. *Biografika: Vvedenie v nauku i obozrenie istochnikov biograficheskikh svedenii o deyatelyakh Rossii 1801—1917 godov* [Biography: Introduction to science and review of sources of biographical information on the figures of Russia 1801—1917]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2009. 384 p. (In Russian)
9. *Semeinyi arkhiv T. L. Bol'shakovoi. Dnevnik L. N. Bol'shakova* [Family archive of T. L. Bolshakova. Diary of L. N. Bolshakov]. (In Russian)